

DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.4

УДК 314.72 | ББК 60.7

© Соколова А.А.

МАСШТАБЫ МАЯТНИКОВОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА СОКОЛОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5434-8094

Проблема дисбаланса рынка труда частично решается с помощью гибких форм занятости, а также внутренней трудовой миграции. Растущая транспортная связанность населенных пунктов, неравномерность рынка труда в разных муниципальных образованиях и увеличивающаяся разница в уровнях благосостояния населения делают маятниковую трудовую миграцию все более распространенным явлением. В статье рассматривается феномен маятниковой трудовой миграции, которая определяется как возвратная краткосрочная регулярная трудовая миграция. Она характеризуется рядом обязательных и факультативных критериев и признаков. К обязательным критериям относятся частота, нормативность и территория, к факультативным – расстояние, стабильность, вынужденность и мобильность. Благодаря проведенной в 2021 году Всероссийской переписи населения стало возможно оценить долю маятниковой трудовой миграции не только в целом по России, но и по каждому региону отдельно. В статье представлена группировка регионов России по удельному весу работающего населения в маятниковых трудовых перемещениях, по доле участия городского и сельского населения в данном процессе, по направлению перемещений и по их периодичности. Поток маятниковых трудовых мигрантов преимущественно состоит из представителей сельского населения, которые совершают трудовые поездки ежедневно. В целом маятниковая трудовая миграция в России представляет собой преимущественно перемещения внутри региона своего проживания, однако в ряде регионов ситуация отличается от общероссийских трендов. Оценки масштабов маятниковой трудовой миграции по данным Всероссийской переписи населения разнятся с оценками, полученными Росстатом с применением информации сотовых данных, и с оценками выборочного обследования рабочей силы. Результаты исследования могут быть полезны научным сотрудникам,

Для цитирования: Соколова А.А. (2023). Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. Т. 27. № 4. С. 52–70. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.4

For citation: Sokolova A.A. (2023). Scale of commuting in Russian regions. *Problems of Territory's Development*, 27 (4), 52–70. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.4

органам государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления при реализации проектов и совершенствовании политики в сфере труда, миграции, социально-экономического и пространственного развития территорий.

Маятниковая миграция, новое отходничество, возвратная миграция, трудовая миграция, регион.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Причины и социально-демографические последствия отходничества в контексте регулирования миграционных процессов в современной России» (проект № 23-28-01395).

Введение

Маятниковые трудовые мигранты являются достаточно уязвимой категорией работников, поскольку нет специальных нормативно-правовых актов, которые могли бы обеспечивать им специальные гарантии и защиту трудовых прав в связи со спецификой их перемещений. Такое «невидимое» положение данной категории населения обуславливается тем, что их статистический учет весьма затруднителен, органы статистики и государственной власти не владеют достоверной информацией о масштабах и распространенности маятниковой трудовой миграции, поэтому не создают соответствующих институтов и инструментов.

Результаты Всероссийской переписи населения – 2020 (далее – ВПН-2020) впервые дают возможность оценить масштаб подобного трудового поведения на уровне регионов Российской Федерации в количественном выражении. Они содержат в себе материалы по трудовым перемещениям индивидов с различной периодичностью выходов на работу, что в целом позволяет судить о некоторых масштабах возвратной внутренней трудовой миграции.

Цель, поставленная в статье, заключается в исследовании масштабов маятниковой трудовой миграции как в целом по РФ, так и по регионам в отдельности. В задачи исследования входило определение маятниковой трудовой миграции в структуре возвратной трудовой миграции, выявление ее характерных критериев и признаков, изучение структуры и направлений потоков данного явления.

В ходе работы применялись следующие методы: монографический, систематиза-

ции, аналогии, сравнения, картографический, группировки и другие.

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, а информационная база представлена данными Всероссийской переписи населения – 2020.

Теоретико-методологические основы исследования

Исследование маятниковой трудовой миграции целесообразно начать с ее места в структуре миграции. Индивидов, которые осуществляют трудовую деятельность не в месте их постоянного проживания, называют возвратными трудовыми или временными трудовыми мигрантами. На наш взгляд, стоит разделить критерии временности и возвратности для лучшего понимания феномена маятниковой трудовой миграции.

Термин возвратной миграции в научной литературе трактуется достаточно широко. Можно проследить два полярных мнения в отношении него. В первом случае возвратная миграция подразумевает под собой репатриацию и реэмиграцию. Такая точка зрения часто встречается в зарубежных исследованиях. Например R. King определяет возвратных мигрантов как тех, кто осуществляет миграцию в страну своего происхождения (King, 1978; Yehuda-Sternfeld, Mirsky, 2014). G. Gmelch поддерживает схожую точку зрения, однако делает акцент на том, что возвратная миграция не равна реэмиграции, хоть и является очень близким понятием. Последняя относится к людям, возвращающимся на родину, а затем эмигрирующим во второй раз (Gmelch, 1980). Возвратная миграция, в особенности в части, касающейся трудовой миграции, может быть

добровольной (voluntary) или недобровольной (forced). Недобровольная миграция представлена в форме депортации (Erdal, 2020), что относится к практике международной миграции. Добровольная возвратная миграция предполагает возвращение в место проживания по собственной воле. Добровольное возвращение может быть осуществлено теми, у кого есть законные основания оставаться в принимающей стране¹. Вторая точка зрения относительно возвратной трудовой миграции применяется к трудовым мигрантам, которые совершают систематические выходы на работу без постоянной миграции в населенные пункты, отличные от места их проживания. Исследовательский коллектив во главе с Ю.М. Плюсиным уже много лет изучает современные виды отходничества и подчеркивает, что это не только вид внутренней возвратной трудовой миграции индивида, но и особый вид экономического поведения. Ю.М. Плюсин, А.А. Позаненко, Н.Н. Жидкевич в своих масштабных исследованиях этого феномена отмечают, что возвратность – один из главных признаков подобных пространственных перемещений (Плюсин и др., 2015).

Термин «временная миграция» упоминается в статье С.В. Рязанцева, в которой раскрываются новые формы временной эмиграции из России. Под категорию временной миграции подходит широкий перечень трудовых перемещений: маятниковая миграция, миграция коммерсантов-«челноков», вахтовая миграция, сезонная миграция и поездки туристов (Рязанцев, 2014). Параметр временности подобных перемещений может быть обусловлен таким документом, как временное разрешение на осуществление трудовой деятельности мигрантов, поскольку речь идет именно об иностранных гражданах. Л.Б. Карачурина также использует термин «временная миграция» в отношении иностранных работников (Карачурина, 2012). Н.В. Мкртчян и Ю.Ф. Флоринская в исследованиях внутренней трудовой миграции или

отходничества определяют временную трудовую миграцию как трудовую деятельность за пределами своего населенного пункта, которую совершает работник не чаще раза в неделю (Мкртчян, Флоринская, 2019). Подобная периодичность трудовых поездок во многих случаях исключает маятниковую трудовую миграцию. Это позволяет нам заключить, что понятие возвратной миграции по отношению к внутренним трудовым мигрантам, работающим за пределами населенного пункта своего проживания, несколько шире, чем временная миграция (рис. 1).

Структура возвратной миграции включает на два больших кластера: долгосрочная возвратная миграция и краткосрочная. Мнения относительно временных границ долгосрочной миграции тоже не устоялись. С.В. Рязанцев считает, что долгосрочная миграция – это перемещения на срок от трех месяцев до одного года (Рязанцев, 2014). Нижний порог данного временного отрезка совпадает с ограничением на максимальную продолжительность вахты согласно нормам трудового права. Но эти сроки не соотносятся с такими видами занятости, как, например, мореходная вахта, которая может длиться 7–8 месяцев, но не может превышать одного года², или с сезонной работой, сроки которой могут устанавливаться в соответствии с договором гражданско-правового характера, где нет временных ограничений.

Существует еще одна точка зрения на долгосрочную миграцию. Так Д.Д. Цыренов, М.Г. Мадиева и Л.Р. Габдрафикова считают, что к долгосрочной миграции относятся передвижения, при которых мигрант возвращается к своему постоянному месту проживания после длительного отсутствия (не менее 12 месяцев) (Цыренов, Мадиева, 2017; Габдрафикова, 2018). Мы придерживаемся мнения о том, что к краткосрочным формам возвратной миграции относятся перемещения индивидов на срок менее 12 месяцев, включающих в себя такие формы, как вахта, маятниковая миграция, сезонная занятость и т. п.

¹ Effective return and reintegration of migrants workers with special focus on ASEAN Member States. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/---sro-bangkok/documents/publication/wcms_733917.pdf

² Федеральное отраслевое соглашение по морскому транспорту на 2021–2024 гг. // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400664761>

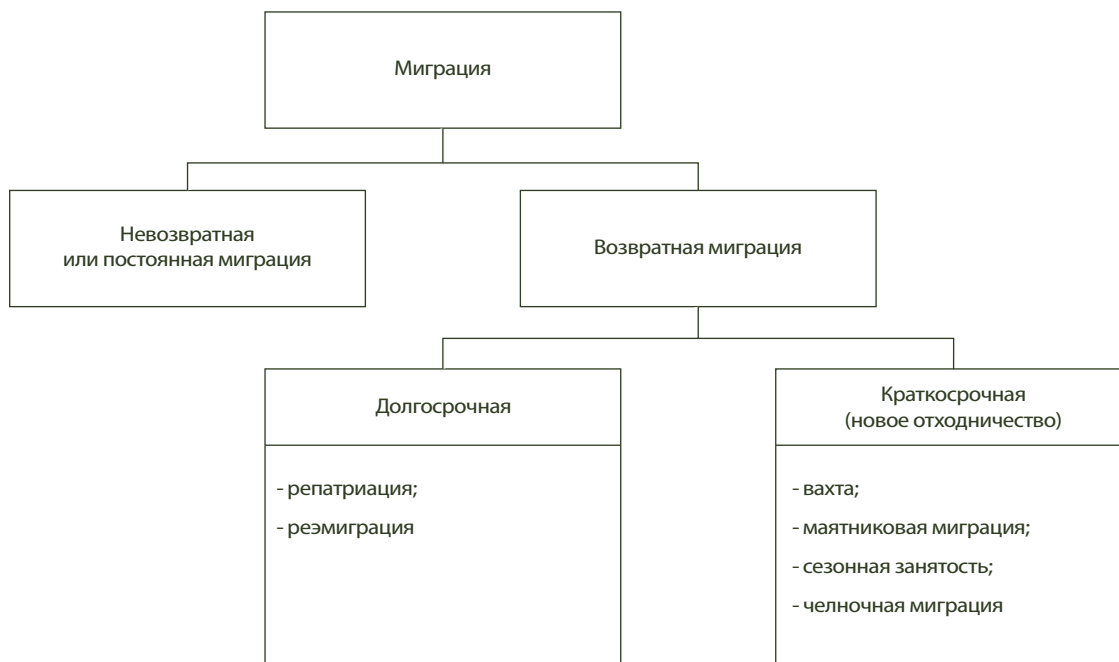

Рис. 1. Виды миграции по времени отсутствия или пребывания

Источник: составлено автором.

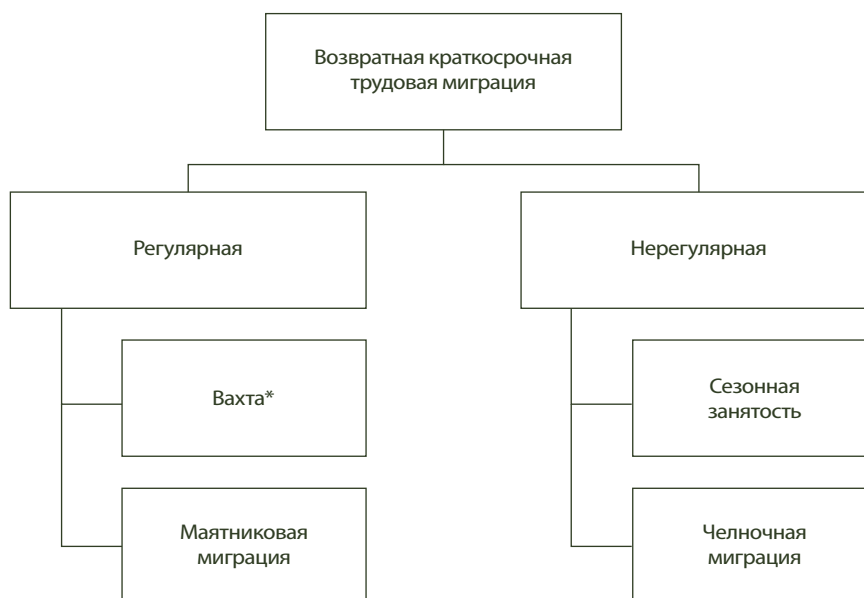

Рис. 2. Место маятниковой миграции в структуре возвратной краткосрочной трудовой миграции*

* Применяется эквивалент термина «вахта» – «вахтовый метод», закрепленный в Трудовом кодексе РФ, ст. 297: «...Вахтовый метод – особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания». Кодекс устанавливает, что такой способ работы применяется при значительном удалении места работы от места постоянного проживания работника. Срок пребывания на таких удаленных рабочих объектах составляет не более одного месяца, а с разрешения выборного органа первичной профсоюзной организации может составлять три месяца. Работодатель при вахтовом методе организует за свой счет доставку работника к месту работы и его проживание в месте выполнения трудовых обязанностей. Форма трудового договора имеет особый вид.

Источник: составлено автором.

Краткосрочная возвратная миграция, или новое отходничество, неразрывно связана с трудом и занятостью индивида.

Возвратная краткосрочная трудовая миграция подразделяется на регулярную и нерегулярную (рис. 2). С.В. Рязанцев к представи-

телям видов регулярной миграции относит ежедневных маятниковых мигрантов, приграничных мигрантов, вахтовых мигрантов, а нерегулярной – сезонных, челночных мигрантов, поскольку перемещения данной категории лиц происходят с различной периодичностью и зависят только от наличия определенного объема работы (Рязанцев, 2014). В связи с этим мы можем отметить, что регулярной будет миграция, подразумевающая наличие определенного и постоянного трудового графика, а также предполагающая систематические отрезки времени для возвращения к постоянному месту жительства мигранта.

Регулярная краткосрочная возвратная трудовая миграция подразделяется на вахту и маятниковую миграцию. Нерегулярная миграция – та, которая не отличается постоянством, такая как, например, сезонная занятость.

Выяснив, что маятниковая трудовая миграция относится к возвратной краткосрочной регулярной трудовой миграции, мы выделили критерии и признаки, которые отличают ее от других видов занятости мигрантов.

Маятниковой трудовой миграции присущ ряд основных и факультативных критериев (рис. 3). К основным критериям от-

МАЯТНИКОВАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ		
	КРИТЕРИЙ	ПРИЗНАКИ
ОСНОВНЫЕ	Частота	Возвратность, цикличность, неоднократность
	Нормативность	Легальность/нелегальность трудовых отношений
	Территория	Факт пересечения границы территории постоянного проживания
ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ	Расстояние	До 120–150 км
	Стабильность	Стабильный, повторяющийся маршрут перемещений
	Вынужденность	Отсутствие возможности трудоустройства по месту жительства
	Мобильность	Активные передвижения, исключающие постоянную миграцию

Рис. 3. Критерии и признаки маятниковой трудовой миграции

Источник: составлено автором.

носятся частота, территория и нормативность, поскольку именно они формируют отличительные признаки. Факультативные критерии – стабильность, мобильность, вынужденность и расстояние. Факультативные критерии создают признаки, которые характерны для маятниковой трудовой миграции, но без присутствия основных признаков они определяют и другие виды нового отходничества.

Частота перемещений

Маятниковая трудовая миграция является возвратной, циклической и не однократной. Цикл перемещений может быть ежедневным (Рязанцев, 2014), затягиваться до двух-пяти дней (Бедрина и др., 2018) или еженедельным. Англоязычные авторы делят маятниковых мигрантов на «daily commuters» (Lyons, Chatterjee, 2008), тех, кто совершает ежедневные поездки и «long-distance weekly commuters» (Green et al., 1999), тех, кто совершает еженедельные перемещения на длительные расстояния. По нашему мнению, главным критерием частоты маятниковых трудовых перемещений выступает не привязка к конкретному количеству дней, а график работы трудового мигранта. В таком случае периодичность подобных перемещений будет варьироваться, но маятниковый трудовой мигрант будет всегда возвращаться домой после каждой рабочей смены в зависимости от графика работы. График зачастую определяется характером работы, например, некоторые профессии требуют графика сутки через трое, и в таком случае, если индивид будет работать вне пункта своего проживания, он будет ездить на работу один раз в три дня или два раза в неделю. В пользу того что маятниковая трудовая миграция – это феномен, которому свойственна периодичность перемещений, выходящая за рамки ежедневных, говорят и материалы Росстата, полученные с исполь-

зованием данных сотовых операторов. За маятниковые перемещения принимаются те, в которых уникальный абонент убывает с домашней территории на территорию назначения, в которой человек проводит максимальное число часов в дневное время (с 6 до 22 часов) при соблюдении следующих условий: подобная пространственная мобильность должна происходить не менее 10 дней в течение календарного месяца; не менее 5 часов в течение каждого из этих 10 дней; и из 10 дней хотя бы 1 день каждую неделю⁵.

Нормативность

Включает в себя два компонента: характер трудовых отношений (легальный или нелегальный) и условия трудового договора. Легальной будет маятниковая миграция, при которой человек находится на рабочем месте в соответствии с нормами трудового права (трудовой договор) или гражданского законодательства (договор гражданско-правового характера). Легальную маятниковую трудовую миграцию можно было бы отслеживать через внедрение на предприятиях установленной формы отчетности, идентифицирующей маятниковых трудовых мигрантов, с последующим отправлением ее в органы службы занятости населения.

Маятниковые трудовые мигранты являются уязвимой группой, поскольку их труд не регулируется никакими нормативно-правовыми документами. Форма трудового договора маятникового трудового мигранта не отличается от типовой, присущей всем «местным» работникам. К примеру, другая форма нового отходничества – вахта – более защищена, поскольку Трудовой кодекс⁴ закрепляет пункты, регулирующие гарантии, сферу труда и отдыха, в которых указываются максимально установленный срок вахты, обязательная организация работодателем проезда и проживания трудового мигранта и др.

⁵ Предоставление доступа к геоаналитическим данным по численности, плотности и миграции населения в муниципальных образованиях и субъектах Российской Федерации для обогащения итогов ВПН-2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%92%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%87%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf>

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683

Территория перемещения

Одной из отличительных черт маятниковой трудовой миграции является факт пересечения границы населенного пункта, в которой постоянно проживает маятниковый мигрант. Важно отметить, что маятниковый трудовой мигрант не меняет места постоянного проживания, а всегда после рабочей смены возвращается домой.

Расстояние перемещений

Существует два способа измерения расстояния: в километрах и во временных затратах. Расстояние перемещений при маятниковой трудовой миграции не может быть большим, поскольку индивид систематически возвращается к своему месту жительства. Концентрация внимания на вопросе количества километров в отношении маятниковой трудовой миграции характерна по большей части для отечественных авторов, которые устанавливают цифру в 120 (Дорофеева, Касьянова, 2017) – 150 км максимум (Плюснин и др., 2015). В иностранной литературе есть понятие «временная граница поездок»⁵ (Lyons, Chatterjee, 2004) – время, которое маятниковый мигрант затрачивает на дорогу от дома до работы. Разделение потоков маятниковой миграции по количеству затрачиваемого на дорогу времени является важным аспектом, поскольку чем дальше находится рабочее место, чем больше времени маятниковый мигрант тратит на дорогу, тем более выраженными будут для самого индивида финансовые затраты, а также последствия для психического и физического здоровья (Han et al., 2023).

Вынужденность

Для многих современных российских провинциальных семей вынужденный отход на заработки в экономически более благополучные территории является основной моделью жизнеобеспечения (Жидкевич, 2014). Однако не стоит забывать о добровольности: трудовой мигрант сам решает выбрать для себя подобную трудовую стратегию с целью максимизации своего трудового и человеческого капитала.

Стабильность

Важно подчеркнуть, что в основном маятниковая трудовая миграция носит устойчивый (Рыбальская, 2016) и постоянный (Öhman, Lindgren, 2003) характер, особенно в сфере легальной занятости. Маятниковый трудовой мигрант может годами совершать подобные перемещения, имея постоянную занятость у одного и того же работодателя. Маршруты таких работников относительно устойчивы (Афонин, 2012).

Мобильность

Одной из основных характеристик отходников, по мнению Ю.М. Плюснина, является его самостоятельность, инициативность и самостоятельность, которая исключает постоянную миграцию (Плюснин и др., 2013). Маятниковые мигранты, при всех своих активных перемещениях в пространстве, остаются верны выбору такой трудовой стратегии и не осуществляют постоянную миграцию (Öhman, Lindgren, 2003).

Результаты исследования

Прошедшая в 2021 году Всероссийская перепись населения позволяет оценить масштабы занятости индивидов, работающих вне пункта своего проживания. Всего в рамках переписи подобная занятость была представлена по периодичности выхода на работу, а именно: ежедневно, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц, один раз в месяц и реже. К занятости вне места своего проживания также были добавлены индивиды, работающие дистанционно, их периодичность выхода на работу или график работы никак не отображались.

В нашем исследовании в одну группу объединены люди, которые выезжают на работу ежедневно и несколько раз в неделю. Они отнесены к маятниковым трудовым мигрантам.

Маятниковая трудовая миграция, по данным ВПН-2020, составляет 8% от общего числа занятого населения в РФ. Однако среди всех видов занятости, предполагающих выезд на работу в населенный пункт, отли-

⁵ Stutzer A., Fray B. S. (2004). Stress That Doesn't Pay: The Commuting Paradox. IZA Working Paper, IZA DP, 1278.

чающийся от места постоянного проживания, маятниковая трудовая миграция занимает значительную часть, а именно 75,3% от общего числа всех занятых работающих вне места своего проживания, указавших периодичность выхода на работу.

Большая доля маятниковых трудовых мигрантов приходится на Европейскую часть России, где наблюдается сильное территориально-административное деление, способствующее такой пространственной мобильности посредством близкого расположения границ регионов и административных центров (рис. 4). Помимо этого, в данной области присутствуют два крупных агломерационных центра – Московская и Санкт-Петербургская агломерации. Примечательно, что сами города федерального значения обладают значительно меньшим удельным весом маятниковых трудовых мигрантов, в то время как области их окружающие, наоборот, максимальным. В этом контексте важно помнить о том, что данные ВПН-2020 представляют информацию о людях, которые покидают названные регионы, именно поэтому Московская и Ленинградская области обладают наибольшей долей занятых, выезжающих на работу в другие населенные пункты, предположительно в соответствующи-

е города федерального значения. Москва и Санкт-Петербург имеют одни из самых низких показателей удельного веса маятниковых трудовых мигрантов, т. к. у жителей крупных городов больше возможностей трудоустроиться в соответствии со своим уровнем квалификации и предпочтений на территории своего проживания.

По удельному весу субъекты РФ можно разделить на три группы: регионы с низкой, умеренной и высокой долей маятниковой трудовой миграции (МТМ; табл. 1).

Поток маятниковых трудовых мигрантов преимущественно включает представителей сельского населения и составляет 69% от общего количества маятниковых трудовых мигрантов. Можно предположить, что в городе у индивида больше шансов найти подходящую работу, чем в селе, где человек вынужден выбирать занятость, предполагающую его отъезд из места проживания. И у городских, и у сельских маятниковых трудовых мигрантов преобладают перемещения в пределах региона проживания. Доля внутрирегиональных сельских маятниковых трудовых мигрантов (88,1%) значительно выше, чем городских (63,2%).

Доля участия сельского и городского населения в маятниковой трудовой миграции

Рис. 4. Удельный вес маятниковой трудовой миграции по субъектам РФ, 2021 год, % от численности занятых, входящих в состав рабочей силы

Составлено по: данные ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Таблица 1. Группировка субъектов РФ по удельному весу маятниковых мигрантов, 2021 год, % от численности занятого населения, входящего в состав рабочей силы региона

Категория	Кол-во	Регионы
Субъекты с низкой долей МТМ (от 0 до 8,2%)	48	Чукотский автономный округ (0,3%); Ямало-Ненецкий автономный округ (0,4%); г. Санкт-Петербург (0,4%); г. Севастополь (0,7%); г. Москва (1,1%); Магаданская область (1,3%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (1,7%); Республика Калмыкия (2,1%); Ненецкий автономный округ (3,2%); Камчатский край (3,4%); Хабаровский край (3,6%); Забайкальский край (3,9%); Республика Дагестан (4,1%); Красноярский край (4,2%); Сахалинская область (4,5%); Республика Саха (Якутия) (4,6%); Республика Карелия (4,9%); Омская область (5,1%); Амурская область (5,1%); Саратовская область (5,1%); Приморский край (5,2%); Республика Тыва (5,3%); Архангельская область без автономного округа (5,4%); Республика Коми (5,5%); Волгоградская область (5,5%); Мурманская область (5,5%); Свердловская область (5,5%); Краснодарский край (5,6%); Республика Ингушетия (5,9%); Кемеровская область (5,9%); Чеченская Республика (5,9%); Челябинская область (6,1%); Алтайский край (6,2%); Кировская область (6,5%); Самарская область (6,5%); Иркутская область (6,6%); Томская область (6,7%); Новосибирская область (6,7 %); Оренбургская область (6,8%); Республика Башкортостан (6,8%); Республика Алтай (7,1%); Ставропольский край (7,2%); Пермский край (7,3%); Ростовская область (7,5%); Республика Бурятия (7,6%); Курганская область (7,9%); Еврейская автономная область (8,1%); Республика Татарстан (8,2%)
Субъекты с умеренной долей МТМ (от 8,3 до 16,5%)	34	Воронежская область (8,3%); Ивановская область (8,5%); Ульяновская область (8,5%); Тюменская область без автономных округов (8,6%); Нижегородская область (8,8%); Псковская область (9,0%); Астраханская область (9,1%); Ярославская область (9,7%); Республика Мордовия (9,7%); Вологодская область (9,8%); Костромская область (10,0%); Пензенская область (10,0%); Кабардино-Балкарская Республика (10,0%); Республика Хакасия (10,3%); Удмуртская Республика (10,5%); Республика Северная Осетия – Алания (10,7%); Смоленская область (10,7%); Новгородская область (10,8%); Курская область (11,0%); Республика Крым (11,7%); Карачаево-Черкесская Республика (11,8%); Брянская область (11,8%); Тамбовская область (12,3%); Чувашская Республика (12,3%); Орловская область (12,4%); Тверская область (12,5%); Рязанская область (12,7%); Калининградская область (12,8%); Владимирская область (13,1%); Калужская область (13,1%); Тульская область (13,4%); Липецкая область (13,5%); Белгородская область (15,3%); Республика Адыгея (15,5%)
Субъекты с высокой долей МТМ (от 16,6% и выше)	3	Республика Марий Эл (17,1%); Московская область (21,25); Ленинградская область (24,7%)

Рассчитано по: данные ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

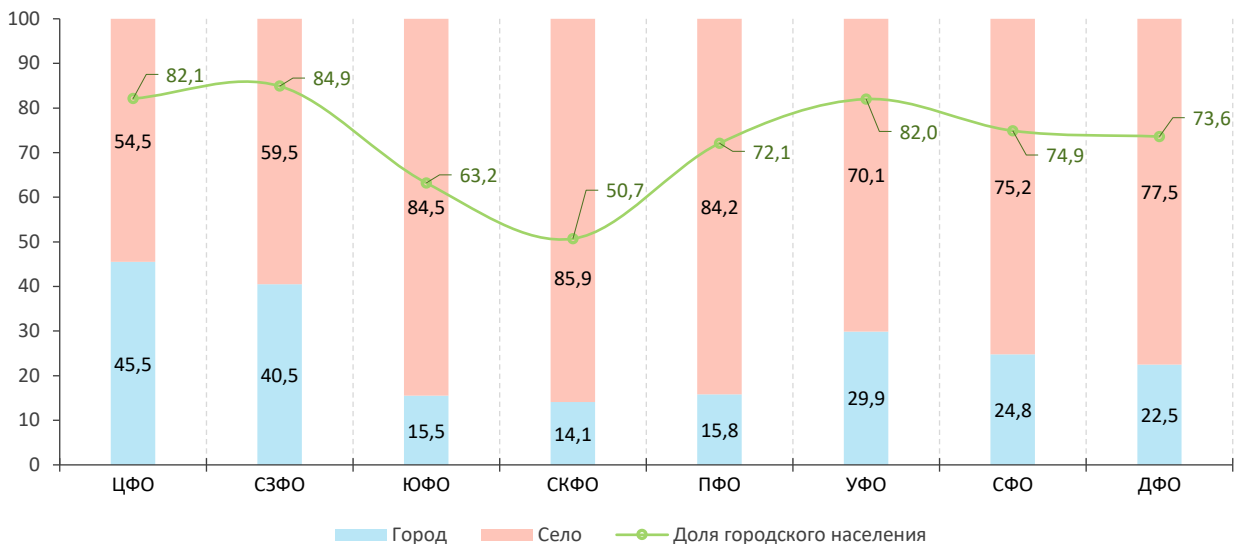

Рис. 5. Структура маятниковой трудовой миграции по доле участия городского и сельского населения, 2021 год, %

Составлено по: данные ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

представлена в регионах по-разному. В разрезе федеральных округов сильно выделяются Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, поскольку в них представ-

ленность городского населения среди населения, работающего вне своего пункта проживания, значительно ниже, чем в остальных округах (рис. 5). Подобное соотношение

можно предположительно связать с низким уровнем урбанизации названных федеральных округов.

Как уже было отмечено ранее, на уровне федеральных округов доля сельских жителей преобладает в потоках маятниковой трудовой миграции. Однако есть субъекты, где основную массу потока маятниковых мигрантов составляют городские жители. Речь идет о городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, где в целом нет представителей сельского населения среди маятниковых трудовых мигрантов, Ненецком автономном округе, где только 12,3% сельского населения вовлечены в маятниковую трудовую миграцию, Магаданской (14,6%) и Мурманской (17%) областях, Ямало-Ненецком автономном округе (26,6%), Московской области (33%), Ханты-Мансийском автономном округе (37,2%) и г.ф.з. Севастополе (39,9%). Все остальные субъекты имеют долю сельского населения в потоках маятниковых миграций выше 50%. В составе жителей этих регионов высока доля городского населения.

Маятниковые трудовые мигранты совершают поездки с разной периодичностью. В основном они выезжают на работу ежедневно (рис. 6). Выход на работу с периодичностью несколько раз в неделю может свидетельствовать о более дальних местах работы и об от-

личной сфере занятости, но, к сожалению, данные ВПН-2020 не отражают структуру профессиональной занятости маятниковых трудовых мигрантов. В основном источниками о профессиональной занятости маятниковых трудовых мигрантов являются социологические опросы, которые не позволяют оценить масштабы на страновом уровне. Так, например, А.А. Захарченко и В.В. Пить при изучении маятниковой миграции в Уральском федеральном округе упоминают, что люди, трудоустроенные за пределами своего населенного пункта проживания, занимают чаще всего рабочие специальности (Захарченко, Пить, 2018). Результаты исследований, проведенных в Нижегородской области, свидетельствуют, что маятниковые мигранты в 79% случаев заняты в отраслях материального производства (Шевченко и др., 2020), а в исследовании, проведенном на примере г. Дубны, говорится о том, что более 70% маятниковых трудовых мигрантов задействованы в торговле, промышленности, финансовом секторе и строительстве (Шитова, Шитов, 2008).

Структура периодичности выходов на работу имеет некоторый перевес в сторону ежедневных поездок на работу (61,2%), среднее значение по перемещениям несколько раз в неделю по России – 38,8%. По всем федеральным округам пропорция остается

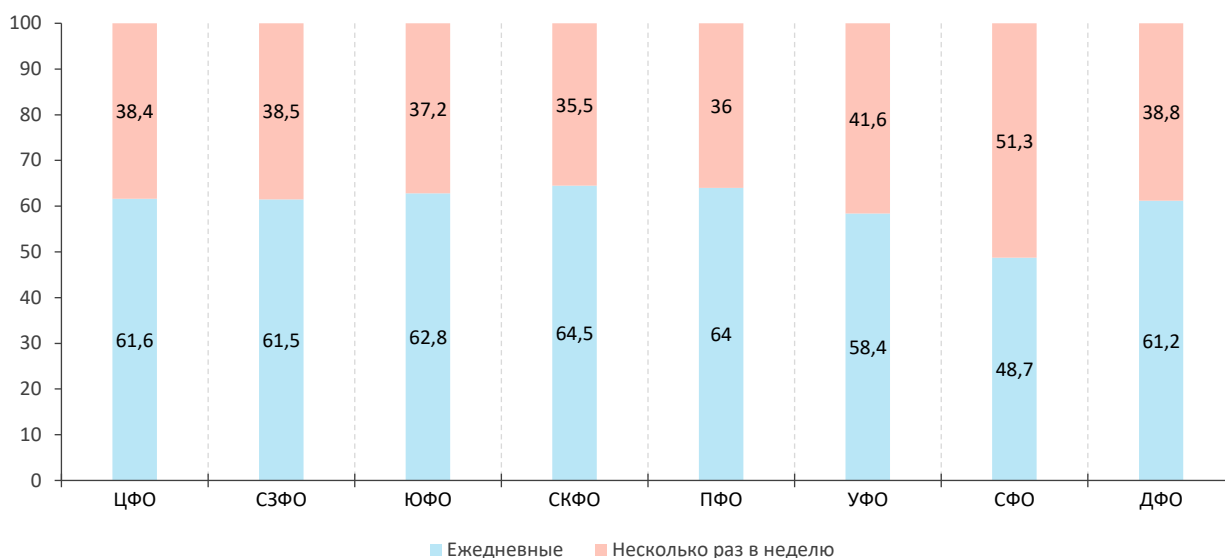

Рис. 6. Структура маятниковой трудовой миграции по периодичности выхода на работу, 2021 год, %
Составлено по: данные ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

примерно одинаковой, кроме Сибирского федерального округа, демонстрирующего небольшой перевес трудовых перемещений несколько раз в неделю. Также есть регионы, в которых присутствуют значения, значительно отклоняющиеся от общероссийской тенденции и средних показателей по федеральным округам (табл. 2). Если во всех остальных группировках регионов мы делили интервал на равные по ширине отрезки, то в случае с группировкой по критерию периодичности перемещений выделили группы, которые представляют собой соотношение 40/20/40, чтобы ярче продемонстрировать именно смешанный тип регионов, сочетающих и ежедневные перемещения, и выходы на работу с периодичностью несколько раз в неделю.

По данным ВПН-2020 существует разделение потоков движения занятого населения, работающего за пределами населенного пункта своего проживания. В целом по РФ

преобладает доля внутренних маятниковых трудовых перемещений (76,6%), в то время как внешняя трудовая маятниковая миграция по России составляет 9% от численности занятых, указавших периодичность выезда (выхода) на работу. Центральный и Северо-Западный федеральные округа отличаются более низкими долями внутренней маятниковой трудовой миграции (рис. 7), демонстрируют больший удельный вес внешней маятниковой трудовой миграции, что, возможно, объясняется сильным притяжением и влиянием самых крупных агломераций в России.

В целом маятниковая трудовая миграция в России представляет собой преимущественно перемещения внутри региона, проживания работников (табл. 3). В структуру внешнего потока миграции входит также и маятниковая трудовая миграция в другие страны, но данный вид перемещений составляет менее 1% от общего количества перемещений маят-

Таблица 2. Группировка субъектов РФ по периодичности маятниковой трудовой миграции, 2021 год, % ежедневных перемещений от численности всей маятниковой трудовой миграции региона

Категория	Кол-во	Регионы
Субъекты с преобладанием ежедневных перемещений (60,0–100,0%)	54	Чукотский автономный округ (85,2%); Ненецкий автономный округ (82,5%); Ямало-Ненецкий автономный округ (80,45%); Республика Тыва (74,2%); Камчатский край (73,7%); Карачаево-Черкесская Республика (72,4%); Чувашская Республика (72,3%); Республика Алтай (72,1%); Республика Саха (Якутия) (71,8%); Кабардино-Балкарская Республика (70,8%); Республика Крым (70,2%); Республика Ингушетия (69,6%); Хабаровский край (69,6%); Республика Северная Осетия – Алания (69,3%); Чеченская Республика (68,9%); Сахалинская область (68,9%); Приморский край (68,5%); г. Москва (68,2%); Республика Адыгея (68,1%); Удмуртская Республика (67,6%); Республика Коми (67,3%); Калининградская область (67,1%); Ивановская область (66,8%); Саратовская область (66,7%); Республика Марий Эл (66,6%); Республика Дагестан (66,4%); Краснодарский край (66,2%); Магаданская область (65,9%); Республика Татарстан (65,8%); Белгородская область (65,6%); Республика Башкортостан (65,5%) Оренбургская область (65,5%); Тамбовская область (65,4%); Брянская область (65,2%); Кировская область (64,8%); Мурманская область (64,6%); Московская область (64,6%); Республика Мордовия (64,2%); Архангельская область без автономного округа (64,0%); Самарская область (63,7%); Республика Хакасия (63,4%); Ростовская область (63,2%); Курганская область (63,1%); Липецкая область (63,1%); Астраханская область (63,0%); г. Севастополь (62,8%); Курская область (62,4%); Орловская область (62,2%); Костромская область (60,9%); Вологодская область (60,9%); Алтайский край (60,7%); Ленинградская область (60,6%); Ярославская область (60,5%); Псковская область (60,2%)
Субъекты со смешанным типом перемещений (40,1–59,9%)	26	Пензенская область (59,8%); Тюменская область без автономных округов (59,7%); Воронежская область (59,6%); Ульяновская область (59,1%); Свердловская область (58,2%); Нижегородская область (57,9%); г. Санкт-Петербург (57,8%); Республика Карелия (57,8%); Рязанская область (57,6%); Новосибирская область (57,5%); Республика Бурятия (57,4%); Пермский край (57,3%); Красноярский край (57,2%); Омская область (57,1%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (56,9%); Смоленская область (56,9%); Челябинская область (56,7%); Ставропольский край (56,1%); Новгородская область (55,6%); Тульская область (53,3%); Калужская область (52,6%); Забайкальский край (51,8%); Кемеровская область – Кузбасс (50,5%); Амурская область (50,4%); Владимирская область (46,3%); Тверская область (45,1%)
Субъекты с преобладанием перемещений несколько раз в неделю (0–40,0%)	5	Волгоградская область (39,6%); Томская область (35,1%); Иркутская область (12,1%); Республика Калмыкия (9,2%); Еврейская автономная область (0,7%)
Рассчитано по: данные ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul		

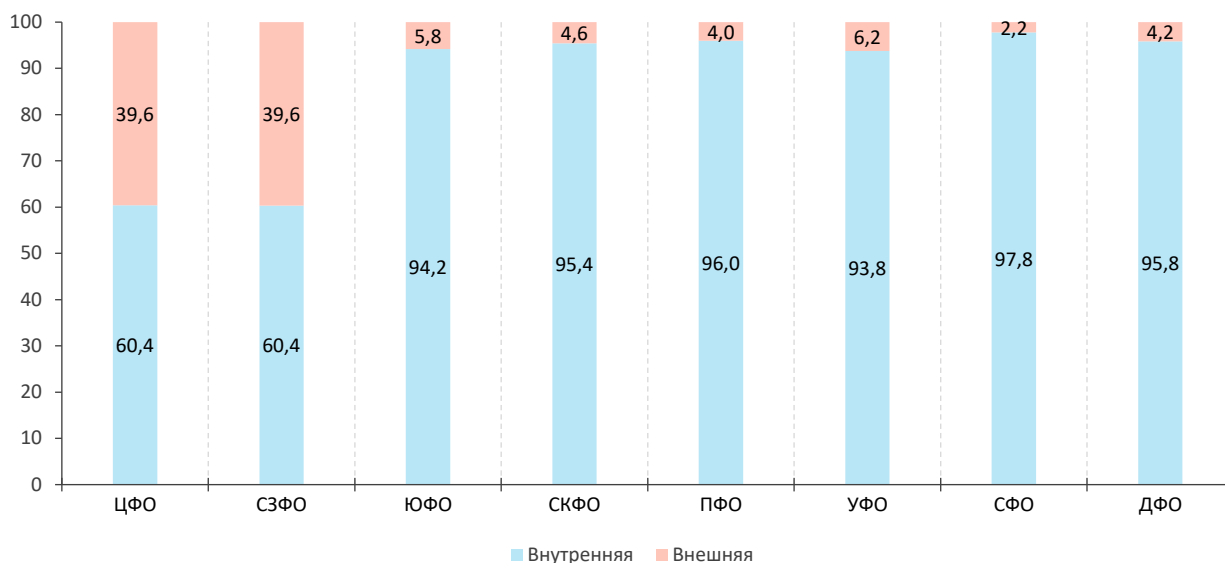

Рис. 7. Структура маятниковой трудовой миграции по потокам перемещений, 2021 год, %
Составлено по: данные ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Таблица 3. Группировка субъектов РФ по потокам перемещений маятниковых трудовых мигрантов, 2021 год, % внешней маятниковой миграции от всей маятниковой трудовой миграции региона

Категория	Кол-во	Регионы
Субъекты с преобладанием внешних потоков (65,3% и выше)	3	Ненецкий автономный округ (97,9%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (95,6%); г. Санкт-Петербург (72,2%)
Субъекты со смешанными потоками (32,7–65,2%)	8	Ленинградская область (64,0%); Ямало-Ненецкий автономный округ (63,6%); Московская область (61,7%); г. Севастополь (58,3%); Республика Адыгея (55,4%); Еврейская автономная область (48,7%); г. Москва (44,7%); Владимирская область (33,3%)
Субъекты с преобладанием внутренних перемещений (0–32,6%)	74	Калужская область (31,9%); Тверская область (29,7%); Тульская область (25,5%); Республика Марий Эл (17,2%); Новгородская область (16,9%); Смоленская область (14,5%); Тамбовская область (14,3%); Псковская область (12,3%); Республика Калмыкия (11,8%); Республика Северная Осетия – Алания (11,4%); Удмуртская Республика (11,2%); Ульяновская область (10,0%); Курганская область (9,9%); Карачаево-Черкесская Республика (7,9%); Липецкая область (7,8%); Курская область (7,6%); Костромская область (6,7%); Кабардино-Балкарская Республика (6,6%); Приморский край (5,2%); Кировская область (5,1%); Орловская область (5,1%); Ивановская область (4,9%); Чувашская Республика (4,9%); Вологодская область (4,9%); Красноярский край (4,7%); Рязанская область (4,5%); Брянская область (4,3%); Алтайский край (4,3%); Республика Крым (4,2%); Ярославская область (4,1%); Пензенская область (4,1%); Оренбургская область (3,9%); Республика Мордовия (3,8%); Мурманская область (3,7%); Республика Бурятия (3,4%); Республика Дагестан (3,4%); Калининградская область (3,4%); Забайкальский край (3,3%); Республика Карелия (3,2%); Кемеровская область – Кузбасс (3,1%); Краснодарский край (3,1%); Архангельская область без автономного округа (3,0%); Республика Алтай (3,0%); Ставропольский край (2,9%); Республика Хакасия (2,8%); Республика Башкортостан (2,7%); Республика Татарстан (2,7%); Свердловская область (2,1%); Республика Ингушетия (1,9%); Белгородская область (1,8%); Магаданская область (1,7%); Челябинская область (1,7%); Томская область (1,6%); Самарская область (1,4%); Омская область (1,3%); Чукотский автономный округ (1,2%); Нижегородская область (1,2%); Волгоградская область (1,1%); Пермский край (1,1%); Астраханская область (0,9%); Ростовская область (0,9%); Республика Коми (0,8%); Республика Тыва (0,8%); Амурская область (0,7%); Камчатский край (0,7%); Хабаровский край (0,6%); Республика Саха (Якутия) (0,6%); Новосибирская область (0,5%); Сахалинская область (0,4%); Воронежская область (0,4%); Саратовская область (0,4%); Тюменская область без автономных округов (0,4%); Чеченская Республика (0,2%); Иркутская область (0,1%)

Рассчитано по: данные ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

никовых трудовых мигрантов. По трудовым миграциям за границу выделяется Северо-Западный федеральный округ. Доля иностран-

ных маятниковых миграций по-прежнему очень мала в структуре маятниковой трудовой миграции (0,6%), однако она намного выше,

чем в других федеральных округах. Для примера, в Центральном федеральном округе доля иностранных маятниковых перемещений составляет 0,005%, а в Дальневосточном федеральном округе – 0,1%. Калининградская, Ленинградская области и г. Санкт-Петербург берут на себя всю долю маятниковых трудовых перемещений за границу в Северо-Западном федеральном округе. Перемещения за границу из г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области совершаются преимущественно с периодичностью несколько раз в неделю, в то время как в Калининградской области преобладают ежедневные перемещения, что может быть обусловлено особым эксклавым положением региона.

Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа выделяются высокой долей внешних маятниковых перемещений. Эти субъекты являются перспективными минерало-сырьевыми центрами, в которых

работодатель находится близко для их жителей, поэтому населению нет необходимости уезжать на длительный срок на работу вахтовым методом. Жители названных областей могут ездить на работу в соответствии с режимом, который предлагает им работодатель, и возвращаться домой намного чаще, чем вахтовые работники.

Внутренняя маятниковая трудовая миграция в основном представлена ежедневными перемещениями, в то время как в структуре внешней маятниковой миграции присутствует перевес в сторону перемещений, совершаемых несколько раз в неделю. Данный факт можно связать с тем, что более длительные расстояния вынуждают выбирать график работы, исключающий ежедневные перемещения. Но есть ряд регионов, в структуре внешних перемещений которых наблюдается большая доля ежедневных перемещений (рис. 8).

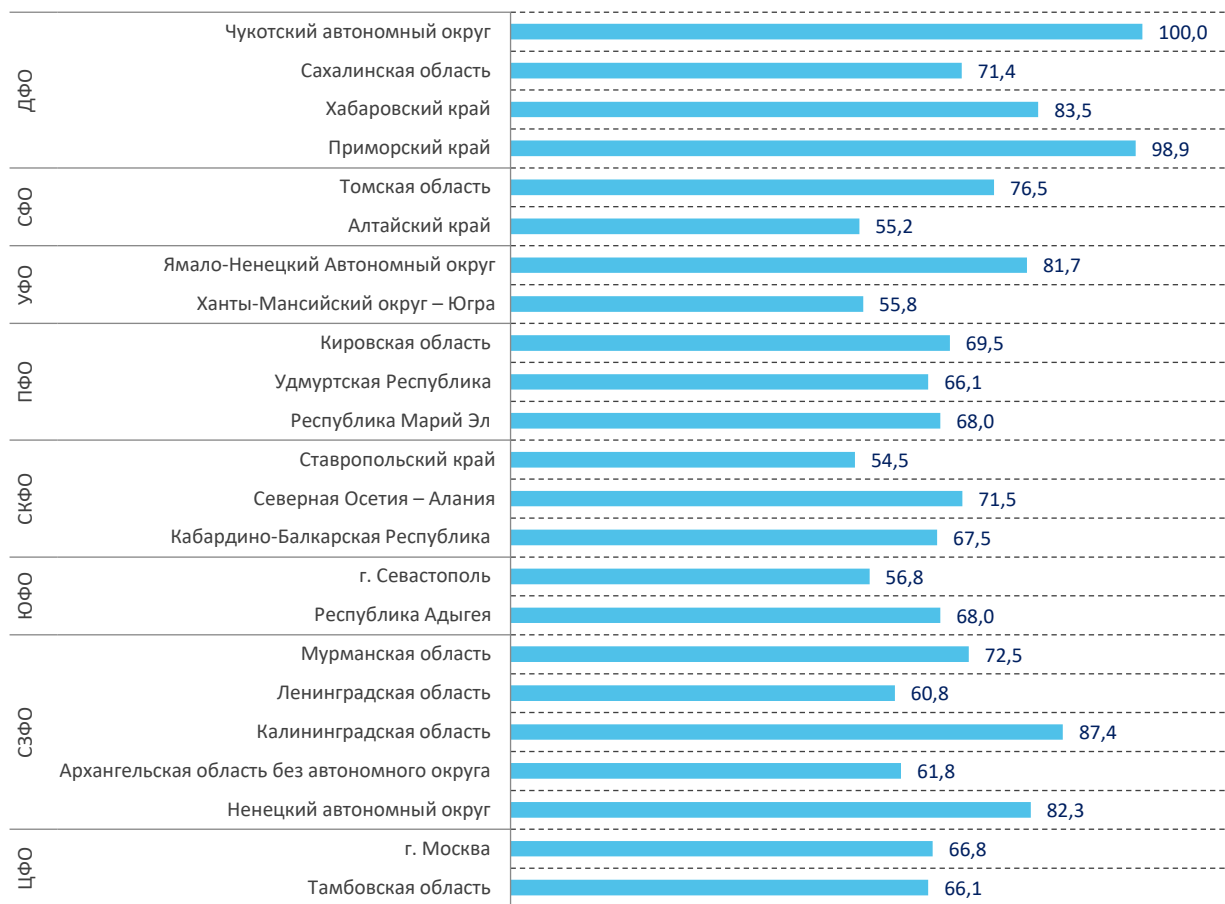

Рис. 8. Регионы с преобладанием внешних ежедневных перемещений, 2021 год, % от внешней маятниковой трудовой миграции

Составлено по: данные ВПН-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Северо-Западный федеральный округ представлен самым большим количеством регионов с преобладающими внешними ежедневными перемещениями. Его особенность состоит в том, что самые большие доли ежедневных внешних перемещений приходятся на регионы, которые являются приоритетными геостратегическими территориями страны⁶: Чукотский автономный округ, Приморский край, Калининградская область, Хабаровский край, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Мурманская область. Находясь на границе страны, только Калининградская область (35,2%) и Приморский край (14,6%) имеют иностранную маятниковую миграцию в структуре внешней маятниковой миграции, в остальных перечисленных регионах пространственные ежедневные перемещения за границу отсутствуют. Можно предположить, что структура экономики и расселения в данных регионах позволяет людям, занятым вне места своего проживания, отдавать предпочтение ежедневным перемещениям.

Выводы и обсуждения

Маятниковая трудовая миграция представляет собой возвратное цикличное, неоднократное явление, предполагающее обязательное пересечение границ населенного пункта, в котором проживает маятниковый мигрант. Как правило, маятниковые мигранты самостоятельно планируют и оплачивают свои трудовые перемещения, которым присущ стабильный и повторяющийся маршрут. Расстояние перемещений в основном сосредоточено в радиусе 120–150 км вокруг места постоянного проживания индивида. Трудовые отношения изучаемой группы лиц могут быть

оформлены как легально, так и нелегально. В случае если это официальное трудоустройство, оно осуществляется по типовому трудовому договору. В целом категория маятниковых трудовых мигрантов является достаточно уязвимой, поскольку на данный момент не существует нормативно-правовых актов, регулирующих сферу маятниковой трудовой миграции.

Оценить масштабы маятниковой трудовой миграции в России весьма затруднительно в связи с несовершенством статистических данных. ВПН-2020 выступила в качестве первого масштабного источника данных о различных формах временной трудовой миграции, в котором нашла отражение и маятниковая трудовая миграция. Оценить маятниковую трудовую миграцию возможно и посредством данных выборочного обследования рабочей силы⁷, позволяющего увидеть распределение населения по периодичности возвращения домой с такой же градацией, как и в ВПН-2020, за исключением того что в Переписи отдельно добавлена занятость дистанционного формата. Однако в итогах выборочного обследования рабочей силы нет разбивки по регионам и федеральным округам, есть только общие цифры по каждой периодичности выходов на работу, информация о количестве мужчин и женщин, участвующих в возвратных видах трудовой миграции начиная с 2013 года. По оценкам этого ресурса, доля маятниковой трудовой миграции в 2021 году составляла 2% от общего числа занятого населения. По геоаналитическим данным, собранным Росстатом с применением информации сотовых операторов, в маятниковую трудовую миграцию вовлечена 1/5 рабочей силы в РФ⁸.

Доля маятниковых трудовых мигрантов, согласно итогам ВПН-2020, составляет 8% от

⁶ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р (с изм. на 30.09.2022) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463>

⁷ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>

⁸ Предоставление доступа к геоаналитическим данным по численности, плотности и миграции населения в муниципальных образованиях и субъектах Российской Федерации для обогащения итогов ВПН-2020 // Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%92%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%87%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf>

общего числа занятого населения в РФ, что значительно меньше по сравнению с прогнозами Росстата с применением информации сотовых данных и в 4 раза выше, чем по оценкам выборочного обследования рабочей силы. Расхождение в оценках масштабов может быть объяснено различиями в методологии сбора данных.

Анализ масштабов маятниковой миграции показал, что существуют регионы с низкой, умеренной и высокой долей маятниковой трудовой миграции в структуре занятого населения, входящего в состав рабочей силы. Регионы с высокой долей маятниковой трудовой миграции имеют большой очаг в Европейской части России. Согласно данным ВПН-2020, подобные перемещения характерны преимущественно для сельских жителей, которые выезжают на работу ежедневно.

При оценке феномена маятниковой трудовой миграции встречаются исследования, в рамках которых изучаются масштабы маятниковой трудовой миграции на региональном уровне, например, с применением ГИС-технологий, данных операторов сотовой связи на уровне локальных субъектов: городов или единичных регионов. В Московской области в 2015 году с помощью данных сотовых операторов выявлено, что на долю маятниковых мигрантов пришлось 1,3 млн человек, т. е. примерно 34% от занятого населения области (Махрова, Бочкарев, 2017). В Уфе, где в 2015 году численность маятниковых трудовых мигрантов составила 45 тыс. человек, эта доля составляет около 4,5% от численности занятого населения города (Юмагузин, 2016). В 2020 году глава комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга обозначил, что ежедневно в город прибывает более 440 тыс. маятниковых трудовых мигрантов, что, по его словам, равно 9% от доли занятых Санкт-Петербурга⁹. Сопоставление количественных данных с результатами переписи не представляется возможным, так как результаты ВПН-2020 содержат информацию только по регионам, а не по отдельным городам. Еще одна при-

чина несопоставимости данных – разные годы и методология исследования.

В ходе анализа было замечено, что назревает необходимость выделения в структуре маятниковых трудовых миграций групп перемещений, которые совершаются ежедневно и несколько раз в неделю, поскольку подобные перемещения могут быть обусловлены различным характером труда маятниковых трудовых мигрантов. Разделение потоков по периодичности маятниковых перемещений также обуславливается возможными экономическими эффектами и социально-демографическими последствиями для индивида. Следует различать внешнюю и внутреннюю маятниковую трудовую миграцию, так как занятое население, выезжающее за границы региона своего проживания, способствует развитию другого региона, потому что весь произведенный этим контингентом работников объем товаров и услуг относится к ВРП региона места работы. Налоги, в частности НДФЛ, также целиком остаются в бюджете «не родного» региона, а регион проживания маятникового трудового мигранта лишается не только поступлений в доходную часть бюджета, но и человеческого капитала и потенциала.

Результаты ВПН-2020 не освещают такие моменты, как возраст, пол, образование, профессия трудовых мигрантов, направление их назначения, которые позволили бы дать более точную оценку последствий данного явления. Приток маятниковых трудовых мигрантов в стагнирующие и депрессивные регионы может оживить рынок их труда.

Итоги исследования вносят вклад в развитие представлений о современных тенденциях возвратной трудовой миграции, особенно в части маятниковой трудовой миграции. Они могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований схожей тематики, органами государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления при разработке проектов, а также совершенствовании политики в сфере миграционной и трудовой сферы.

⁹ В Петербурге насчитали полмиллиона «маятниковых» трудовых мигрантов (2020) // Мигранты сегодня. № 2 (35). С. 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Афонин М.В. (2012). Маятниковая миграция как фактор субурбанизации // Вестник социально-политических наук. № 11. С. 14–19.
- Бедрина Е.Б., Козлова О.А., Ишуков А.А. (2018). Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения // Ars Administrandi (Искусство управления). Т. 10. № 4. С. 631–648. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-631-648
- Габдрафикова Л.Р. (2018). «Новые люди» заказанья: возвратная миграция и сельская повседневность XIX – начала XX вв. // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: мат-лы VII Всерос. (XV региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Российское общество исследователей экономической истории, Марийское региональное отделение российского общества историков-архивистов. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. С. 188–194.
- Дорофеева Л.А., Касьянова Е.А. (2017). Маятниковая миграция населения в Красноярской городской агломерации (на примере населенных пунктов Емельяновского района) // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: Науки о Земле. Т. 20. С. 25–42.
- Жидкевич Н.Н. (2014). Региональные различия внутренней возвратной трудовой миграции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. № 1 (29). С. 109–118.
- Захарченко А.А., Пить В.В. (2018). Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. № 4. С. 594–603. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-594-603
- Карачурина Л.Б. (2012). Миграционные процессы (временная трудовая миграция) // Экономико-политическая ситуация в России. № 10. С. 54–57.
- Махрова А.Г., Бочкарев А.Н. (2017). Маятниковая миграция в Московском регионе: новые данные // Демоскоп Weekly. № 727–728. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0727/tema01.php>
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (43). С. 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4
- Плюсин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013). Отходники: монография. Москва: Новый Хронограф. 364 с.
- Плюсин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. (2015). Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. Социология. Этнология. № 1. С. 35–71.
- Рыбальская Е.А. (2016). Маятниковая миграция населения как фактор формирования пассажирских связей // Экология промышленного производства. № 3. С. 42–45.
- Рязанцев С.В. (2014). Новые формы временной эмиграции из России // Наука. Инновации. Технологии. № 2. С. 81–93.
- Цыренов Д.Д., Мадиева М.Г. (2017). Особенности возвратной миграции молодежи в Республику Бурятия // Вестник Бурятского гос. ун-та. Экономика и менеджмент. № 1. С. 54–58.
- Шевченко И.А., Давыдова Ю.В., Замашкина О.В. [и др.] (2020). Изучение демографических аспектов маятниковой миграции населения Нижегородской области // Успехи современного естествознания. № 1. С. 70–75.
- Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А. (2008). Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмоскovie (на примере г. Дубны) // Проблемы прогнозирования. № 4 (109). С. 112–122.
- Юмагузин В.В. (2016). Возможности изучения маятниковой миграции по данным сотовых операторов (на примере г. Уфы) // Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными

и полезными: мат-лы VI международной социологической Грушинской конференции, 16–17 марта 2016. Москва: ВЦИОМ. С. 732–737.

- Erdal M.B. (2020). *International Encyclopedia of Human Geography*. Ed. by A. Kobayashi. Elsevier, 105–110.
- Gmelch G. (1980). Return migration. *Annual Review of Anthropology*, 9, 135–159.
- Green A.E., Hogarth T., Shackleton R.E. (1999). Longer distance commuting as a substitute for migration in Britain: A review of trends, issues and implications. *International Journal of Population Geography*, 5, 49–67.
- Han L., Peng C., Xu Z. (2023). The effect of commuting time on quality of life: Evidence from China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20 (573), 1–10. DOI: 10.3390/ijerph20010573
- King R. (1978). Return migration: A neglected aspect of population Geography. *Area*, 10 (3), 175–182.
- Lyons G., Chatterjee K. (2008). A human perspective on the daily commute: Costs, benefits and tradeoffs. *Transport Reviews*, 28 (2), 181–198.
- Öhman M., Lindgren U. (2003). Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden. *Cybergeo. European Journal of Geography*, 243. Available at: <https://journals.openedition.org/cybergeo/4118?Lang=en#citedby>. DOI: <https://doi.org/10.4000/cybergeo.4118>
- Yehuda-Sternfeld B.S., Mirsky J. (2014). Return migration of Americans: Personal narratives and psychological perspectives. *International Journal of Intercultural Relations*, 42, 53–64. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2014.07.001

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия Алексеевна Соколова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru)

Sokolova A.A.

SCALE OF COMMUTING IN RUSSIAN REGIONS

The problem of labor market imbalance is partially solved with the help of flexible forms of employment and also internal commuting. Growing transport connectivity of settlements, unevenness of the labor market in different municipal entities and increasing difference in the welfare levels of the population make commuting an increasingly widespread phenomenon. The article examines the phenomenon of commuting, which is defined as return short-term regular labor migration. It is characterized by a number of mandatory and optional criteria and features. Mandatory criteria include frequency, normativity and territory, while optional criteria include distance, stability, forcedness and mobility. Due to the All-Russian Population Census conducted in 2021, it became possible to estimate the share of commuting not only for Russia as a whole, but also for each region separately. The article presents a grouping of Russian regions by the share of working population in commuting, by the share of urban and rural population participation in this process, by the direction of movements and by their periodicity. The flow of commuting migrants mainly consists of representatives of the rural population, who make labor trips daily. In general, commuting in Russia is mainly movements within the region of one's residence, but in some regions the situation differs from the all-Russian trends. Estimates of the scale of pendular labor migration according to the All-Russian Population Census differ from the estimates obtained by Rosstat using cellular data and from the estimates of the sample labor force survey. The results of the study can be useful for researchers, public authorities of the constituent entities of the RF and local governments in implementing projects and improving policies in the field of labor, migration, socio-economic and spatial development of territories.

Commuting, new seasonal work (otkhodnichestvo), return migration, labor migration, region.

REFERENCES

- Afonin M.V. (2012). Commuting as a factor of suburbanization. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk*, 11, 14–19 (in Russian).
- Bedrina E.B., Kozlova O.A., Ishukov A.A. (2018). Methodology aspects in estimating commuting of the population. *Ars Administrandi*, 10(4), 631–648. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-631-648 (in Russian).
- Dorofeeva L.A., Kasyanova E.A. (2017). Commuting in Krasnoyarsk urban agglomerations. *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser.: "Nauki o Zemle"=The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Earth Sciences"*, 20, 25–42 (in Russian).
- Erdal M.B. (2020). *International Encyclopedia of Human Geography*. A. Kobayashi. (Ed.). Elsevier, 105–110.
- Gabdrafikova L.R. (2018). "New People" of zakazan'e: Return migration and rural everyday life of the 19th – early 20th centuries. In: *Rossiiskoe krest'yanstvo i sel'skoe khozyaistvo v kontekste regional'noi istorii: mat-ly VII Vseros. (XV regional'noi) s mezhdunar. uchastiem konf. istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya* [Russian Peasantry and Agriculture in the Context of Regional History: Proceedings of the 7th All-Russian (15th regional) with International Participation Conference of Agricultural Historians of the Middle Volga Region]. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Mari State University, Russian Society of Economic History Researchers, Mari Regional Branch of the Russian Society of Historians and Archivists. Yoshkar-Ola: Mari State University.
- Gmelch G. (1980). Return migration. *Annual Review of Anthropology*, 9, 135–159.
- Green A.E., Hogarth T., Shackleton R.E. (1999). Longer distance commuting as a substitute for migration in Britain: A review of trends, issues and implications. *International Journal of Population Geography*, 5, 49–67.
- Han L., Peng C., Xu Z. (2023). The effect of commuting time on quality of life: Evidence from China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(573), 1–10. DOI: 10.3390/ijerph20010573
- Karachurina L.B. (2012). Migration processes (temporary labor migration). *Ekonomiko-politicheskaya situatsiya v Rossii*, 10, 54–57 (in Russian).
- King R. (1978). Return migration: A neglected aspect of population geography. *Area*, 10(3), 175–182.
- Lyons G., Chatterjee K. (2008). A human perspective on the daily commute: Costs, benefits and tradeoffs. *Transport Reviews*, 28(2), 181–198.
- Makhrova A.G., Bochkarev A.N. (2017). Commuting in the Moscow region: New data. *Demoskop Weekly*, 727–728. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0727/tema01.php> (in Russian).
- Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2019). Residents of small and mid-size towns of Russia: Labor migration as an alternative to permanent transfer. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*, 3(43), 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4 (in Russian).
- Öhman M., Lindgren U. (2003). Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden. *Cybergeog. European Journal of Geography*, 243. Available at: <https://journals.openedition.org/cybergeog/4118?Lang=en#citedby>. DOI: <https://doi.org/10.4000/cybergeog.4118>
- Plyusnin Yu.M., Pozanenko A.A., Zhidkevich N.N. (2015). Seasonal work (otkhodnichestvo) as a new social phenomenon in modern Russia. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 1, 35–71 (in Russian).
- Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013). *Otkhodniki: monografiya* [Seasonal Workers: A monograph]. Moscow: Novyi Khronograf.
- Ryazantsev S.V. (2014). New forms of temporary emigration from Russia. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii=Science. Innovation. Technologies*, 2, 81–93 (in Russian).
- Rybalskaya E.A. (2016). Commuting patterns of population as factor of formation of passenger relations. *Ekologiya promyshlennogo proizvodstva=Industrial Ecology*, 3, 42–45 (in Russian).

- Shevchenko I.A., Davydova Yu.V., Zamashkina O.V. et al. (2020). The study of demographic aspects of circular migration of the population of Nizhniy Novgorod region. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya=Advances in Current Natural Sciences*, 1, 70–75 (in Russian).
- Shitova Yu.Yu., Shitov Yu.A. (2008). Analysis and forecasting of commuting labor migration in the Moscow region (on the example of Dubna). *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 4(109), 112–122 (in Russian).
- Tsyrenov D.D., Madieva M.G. (2017). The features of youth return migration in the Republic of Buryatia. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta. Ekonomika i menedzhment=BSU bulletin. Economy and Management*, 1, 54–58 (in Russian).
- Yehuda-Sternfeld B.S., Mirsky J. (2014). Return migration of Americans: Personal narratives and psychological perspectives. *International Journal of Intercultural Relations*, 42, 53–64. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2014.07.001
- Yumaguzin V.V. (2016). Possibilities of studying commuting based on the data of cellular operators (on the example of Ufa). In: *Zhizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponyatnymi i poleznymi: mat-ly VI mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii, 16–17 marta* [Research Life After Research: How to Make Results Understandable and Useful: Proceedings of the 6th International Sociological Grushinskaya Conference, March 16–17]. Moscow: VCIOM.
- Zakharchenko A.A., Pit' V.V. (2018). Regional features of commuting labor migration in the Ural Federal District (on example of the pilot research). *Vestnik Permskogo un-ta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya=Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 4, 594–603. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-594-603 (in Russian).
- Zhidkevich N.N. (2014). Regional differences of internal labor migration. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region*, 1(29), 109–118 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya A. Sokolova – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru)